

Вера Мильчина

Опять о правосудии и милости:

ЕЩЕ ОДИН ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК ФИНАЛА
«КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

Vera Milchina

Again about Justice and Mercy: Another Possible Source of the Finale of *The Captain's Daughter*

Вера Мильчина (ИВГИ РГГУ, ведущий научный сотрудник; ШАГИ РАНХиГС, ведущий научный сотрудник; кандидат филологических наук) vmilchina@gmail.com.

Vera Milchina (PhD; Lead Researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Lead Researcher, Institute of Higher Humanities Research, Russian State University for the Humanities) vmilchina@gmail.com.

Ключевые слова: Маргарита Ламбрен, Пушкин, *Капитанская дочка*, правосудие или милость, Екатерина II, Пугачев, Вальтер Скотт, *Эдинбургская темница*, Фредерик Сулье, амнистия

Key words: Marguerite Lambrun, Pushkin, *The Captain's Daughter*, justice or mercy, Walter Scott, *The Heart of Midlothian*, Catherine II, Pugachev, Frederick Soulier, amnesty

УДК: 82.31 + 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_180

UDC: 82.31 + 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_180

В статье предлагается к уже известным источникам финальной сцены «Капитанской дочки» прибавить исторический анекдот о Маргарите Ламбрен — камеристке Марии Стюарт, которая, желая отомстить за смерть своей повелительницы и своего мужа, пыталась убить английскую королеву Елизавету. На вопрос королевы, как следует ей поступить с той, кто покушалась на ее жизнь, Маргарита ответила встречным вопросом: вы спрашиваете как судья или как королева? Услышав, что как королева, Маргарита сказала: тогда меня следует помиловать. Но когда Елизавета попросила гарантий, что покушение не повторится, Маргарита возразила: милость, даваемая с предосторожностями, перестает быть милостью, и в таком случае я готова подвергнуться суду. Королева сказала своим придворным, что за тридцать лет царствования не слышала ни от кого подобного урока, и отпустила Маргариту без всяких условий. Этот анекдот, многократно воспроизводившийся в сборниках XVIII—XIX веков, содержится, в частности, в «Историческом словаре анекдотов о любви», сохранившемся в библиотеке Пушкина, причем страницы, на которых он напечатан, разрезаны. Поэтому есть основания предполагать, что Пушкин был знаком с этим «уроком королеве», и сформулированная Маргаритой Ламбрен оппозиция королевы и судьи, милости и правосудия отразилась в финале «Капитанской дочки».

This article suggests adding a historical anecdote about Marguerite Lambrun, Mary Stuart's maid, to the already known sources of the final scene of *The Captain's Daughter*. Wanting to avenge the death of her mistress and her husband, she tried to kill Queen Elizabeth I of England. When asked by the queen what she should do with someone who attempted to kill her, Marguerite answered with a counter question: "Are you asking as a judge or as a queen?" Hearing that she was asking as a queen, she said, "Then I should be pardoned." But when Elizabeth asked for a guarantee that the attempt would not be repeated, Marguerite replied, "Mercy given with warning ceases to be mercy, and in that case I am ready to be tried." The queen told her courtiers that in the thirty years of her reign, she had never heard such a lesson from anyone, and she dismissed Marguerite without any conditions. This anecdote, which was repeatedly reproduced in the compilations from the 18th and 19th centuries, is also contained in *A Historical Dictionary of Anecdotes about Love*, which has been preserved in Pushkin's library, and the pages on which it was printed had been cut out. Therefore, there is reason to assume that Pushkin was familiar with this "lesson to the queen", and the opposition of the queen and the judge and mercy and justice, formulated by Marguerite Lambrun, was reflected in the final scene of *The Captain's Daughter*.

В библиотеке Пушкина под № 880 по каталогу Модзалевского хранится книга под витиеватым заглавием:

Исторический словарь анекдотов о любви, содержащий множество любопытных и трогательных происшествий, приключившихся от силы, причуд, ярости и порывов этой страсти, подробное описание тех переворотов, которые произвела она в семьях и государствах, преступлений, которых сделалась она причиною, сцен трагических, смешных и пагубных, которые разыгрались из-за нее во всех странах от сотворения мира до наших дней. Издание второе, пересмотренное, исправленное и дополненное автором. Париж: у всех книгопродавцев, 1832¹ [Модзалевский 1910: 224].

Впервые этот словарь вышел в двух томах в 1788 году под названием «Карманный словарь, содержащий исторические анекдоты о любви от сотворения мира»²; второе издание, уже в пяти томах, появилось в 1811 году под тем же заглавием (только с исключением слова «карманный»), но с указанием на то, что это «издание второе, пересмотренное, исправленное и дополненное автором» (вице-председателем суда первой инстанции в городе Труа по фамилии Муше). Что же касается издания 1832 года, то оно просто воспроизводит издание 1811-го, но с чуть измененной формулировкой заглавия: не «Словарь, содержащий исторические анекдоты о любви», а «Исторический словарь анекдотов о любви». В обоих изданиях — и 1811, и 1832 года — в третьем томе на страницах 448—449 напечатан следующий исторический анекдот (отсутствующий в первом издании 1788 года):

МАРГАРИТА ЛАМБРЕН, шотландка, заслужила место в этом словаре отвагой, с какой решила отомстить за смерть своего супруга³. Сей супруг, всецело достойный ее любви, верно служил злополучной Марии Стюарт, королеве Шотландии, осыпавшей его своими благодеяниями. Трагическая гибель этой государыни сделала на него впечатление столь сильное, что он умер от горя. Маргарита Ламбрен, его вдова, сочла, что одними слезами не докажет своей безмерной скорби, и решила посвятить жизнь, ставшую ей в тягость, отмщению за потерю разом и супруга, и королевы. Надев мужское платье, вооружилась она двумя пистолетами; из одного располагала убить Елизавету, королеву Англии, отправившую на эшафот Марию Стюарт, а из второго — покончить с собственной жизнью, дабы не попасть в руки правосудия. Однажды, пробираясь сквозь толпу, чтобы приблизиться к Елизавете, когда та прогуливалась в своем саду, выронила она один из пистолетов. Стражники, заметившие это, схватили ее и собрались отвести в тюрьму. Однако королева пожелала самолично допросить виновную, которую

- 1 Dictionnaire historique des anecdotes de l'Amour, contenant un grand nombre de faits curieux et intéressants occasionnés par la force, les caprices, les fureurs, les emportements de cette passion, des détails circonstanciés sur les révolutions qu'elle a opérées dans les familles et dans les empires, les crimes dont elle a été cause, les scènes tragiques, ridicules et nuisibles qu'elle a produites chez toutes les nations depuis le commencement du monde jusqu'à nos jours. 2e édition, revue, corrigée et augmentée par l'auteur [Mouchet]. Paris: chez tous les libraires, 1832.
- 2 Dictionnaire portatif, contenant les anecdotes historiques de l'amour depuis le commencement du monde.
- 3 В некоторых версиях анекдота (см., например: [Nouvelle bibliothèque de société 1782: 39]) есть указание на то, что муж Маргариты был француз, поэтому я использую французскую транскрипцию ее фамилии.

почитала мужчиной. Маргарита открыла ей без утайки свой пол и намерение. Признание это не могло не взволновать Елизавету, однако ж она выслушала его, не дрогнув, а затем спросила с превеликим спокойствием: «Итак, вы почитали своим долгом сделать то, чего требовала от вас любовь к вашей повелительнице и вашему мужу. Но чего же, по-вашему, требует от меня мой долг перед вами?» Маргарита отвечала не колеблясь: «Открою Вашему Величеству мою мысль без утайки, но поначалу благоволите сказать, спрашиваете ли вы меня как судья или как королева?» Елизавета отвечала, что как королева. «Тогда Ваше Величество должны меня помиловать», — сказала эта женщина. «Какое же ручательство можете вы мне дать, — спросила королева, — что не употребите мою милость во зло и в другой раз не возьметесь за прежнее?» На что Ламбрен: «Государыня, милость, которую даруют со столькими предосторожностями, перестает быть милостью; итак, Ваше Величество может обойтись со мной как судья». Тогда Елизавета, обратясь к членам своего Совета, при сем присутствовавшим, сказала: «Вот уже тридцать лет, как я королева, но не припомню, чтобы кто-нибудь преподал мне такой урок». И невзирая на возражения своих приближенных, помиловала Ламбрен безо всяких условий. Та попросила проводить ее до французского берега, что и было исполнено; в просьбе этой женщины увидели доказательство ее предусмотрительности.

Всякий, кто читал «Капитанскую дочку», не замедлит, познакомившись с анекдотом о Маргарите Ламбрен, вспомнить диалог Маши Мироновой и императрицы Екатерины в финале пушкинской повести. Страницы, на которых напечатан анекдот, находятся на стыке двух тетрадей, так что их разрезать не пришлось, но как раз начиная с этого места разрезана вся следующая тетрадь до с. 466, хотя вообще страницы в этом томе разрезаны только частично⁴, таким образом у нас есть основания предполагать, что Пушкин с этим анекдотом был знаком.

Насколько мне известно, анекдот о Маргарите Ламбрен никогда не попадал в поле зрения пушкинистов и вообще в наши дни мало кому известен. Между тем в XVIII и XIX веках популярность его была так велика, что, если бы не боязнь анахронизма, его можно было бы назвать тогдашним европейским бестселлером⁵.

Началось все в 1693 году, когда итальянский историк Грегорио Лети (1630—1701) выпустил книгу «Подлинная история жизни Елизаветы, королевы Англии, прозванной политической комедианткой», которая в следующем году была переведена на французский, в 1707-м вышла на немецком и голландском языках, а в 1795 году появилась в русском переводе [Лети 1795] (в переводах упоминание «политической комедиантки» опущено). Как пример справедливого поступка Елизаветы под заголовком «Решительный и отважный ответ» в книге напечатана история Маргариты Ламбрен и ее несостоявшейся мести королеве [Leti 1693: 228—231]. Из Лети со ссылкой на французский перевод

-
- 4 Сердечно благодарю за информацию о разрезанных страницах Т.А. Китанину и Т.И. Краснорободько.
 - 5 О подлинности анекдота судить трудно; скорее всего, история выдумана. Во всяком случае в посвященном Марии Стюарт третьем томе классической «Истории Шотландии» Робертсона (1821) такая ее камеристка, как Маргарита Ламбрен, не упоминается. Тем не менее в современной монографии ее — правда, без аргументации — называют «исторической фигурой» [Garofalo 2008: 73].

его книги [Leti 1694: 174–177] анекдот перепечатали последователи Луи Морери (1643–1680), переиздававшие с дополнениями его «Большой исторический словарь» (1-е изд. 1674); в составе этого словаря анекдот о Маргарите Ламбрен присутствует начиная с 1725 года [Moregi 1725: 25] (повторен в изданиях 1740 и 1759 годов). Вариант Морери практически дословно воспроизводит историю, рассказанную Лети, в нем отсутствуют лишь две детали: что Маргарита вышла замуж за пять лет до казни Марии Стюарт и что когда она открыла королеве, кто она такая, одна из придворных дам подтвердила ее слова, поскольку вспомнила, что видела ее прежде. Зато прибавлено в начале лестное сравнение Маргариты с прославленными римлянками: «Благодаря своей отваге достойна она занять в истории XVI столетия такое же место, какое иные римские дамы заняли в истории начальных времен».

Во второй половине XVIII века самое раннее издание, где фигурирует история Маргариты, — это, по-видимому, «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера [Encyclopédie 1765: 514]. За ней последовали «Новый исторический карманный словарь, или Краткая история всех людей, которые составили себе имя талантами, добродетелями, преступлениями, заблуждениями и проч. от сотворения мира до наших дней» [Nouveau dictionnaire 1766: 625–626]⁶ и «Опыт общей истории судов у народов древних и новых, или Словарь исторический и юридический» [Des Essarts 1778: 37–38]⁷. Далее история Маргариты до 1836 года (год публикации «Капитанской дочки») неоднократно повторялась в сборниках биографий знаменитых женщин [Riballier 1779: 324–325; Ternisien d'Haudricourt 1788: 36–38; Notices 1819: 9–12; Paban 1820: 33–35 и др.] и сборниках занимательных исторических анекдотов [Nouvelle bibliothèque de société 1782: 39–42; Encyclopediana 1791: 402–403; Conteur de société 1829: 186–189; Journal des anecdotes 1833: 331–332].

Не менее многочисленны и английские издания, в которых рассказывается история Маргариты Ламбрен, или, по-английски, Маргарет Ламбрун. Среди них биографические словари: «Новый биографический словарь» [Stephen 1794] и «Шотландский биографический словарь» [Stark 1805], сборники исторических анекдотов [Edinburgh Medley 1800: 113–116; Edinburgh Budget 1808: 20–22; Colman 1826: 89–90], многократно (1821, 1822, 1826) переиздававшиеся «Анекдоты о красноречии» [Percy Anecdotes 1821: 30–31], а также подборки анекдотов о знаменитых женщинах в женских журналах [Belle Assemblée 1814: 51–52; Ladies' Museum 1830: 39–40].

Хотя к интересующей меня в первую очередь пушкинской теме это прямого отношения не имеет, уместно будет сказать несколько слов о бытовании истории Маргариты Ламбрен в литературе XIX века и после 1836 года. Здесь библиография не менее обширная.

Анекдот о Маргарите представлен в энциклопедиях и биографических словарях, таких как «Древняя и новая всеобщая биография» Мишо (1855, т. 12), «Большой всеобщий словарь XIX века» Ларусса (1870, т. 6), книги о знаменитых королевах [Drohojowska 1858: 226–227] и знаменитых женщинах [Hall 1855: 381–382]. О Маргарите не забыли даже в конце XX века [Partnow 1993: 55]. Присутствует история Маргариты в учебниках перевода с английского на

6 В дальнейшем перепечатана в переизданиях 1779 (т. 4) и 1804 (т. 7) годов.

7 Статья «Женщина, которая покушалась на жизнь Елизаветы, королевы Англии, и своей отвагой добилась помилования».

немецкий (1883) и французский (1872), а также в книгах для чтения [Short stories 1876: 28; Sévrette 1878: 167—169]. Наконец, история Маргариты Ламбрен отразилась и в художественной литературе — в новелле француза Фредерика Сулье «Маргарита Ламбрен» (1836), в пьесе итальянца Паоло Джакометти «Елизавета, королева английская» (1853) и, наконец, в новелле «Маргарита Ламбрен», которую выпустил в 1872 году австриец Леопольд фон Захер-Мазох. Некоторые авторы повторяют первоначальный анекдот практически дословно, другие (в частности, Сулье и Захер-Мазох) украшают его подробностями собственного изобретения, но вопрос «Вы спрашиваете как судья или как королева?» и последовавший за этим обмен репликами присутствует в абсолютном большинстве вариантов. На этом фоне забавным исключением выглядит опубликованный в 1852 году рассказ, где Маргарита объясняет, что не желает прощения и милости от королевы, а готова принять прощение только от судьи [Spence 1852: 313—314]; по всей вероятности, к середине XIX века идея, что милость — отличительная черта и прерогатива королей, начала забываться. Кроме того, среди английских авторов находятся такие, которые рассказывают и о попытке покушения, и о королевском прощении, но не упоминают ни об оппозиции милость/правосудие, ни об «уроке», преподанном королеве; в этих вариантах Елизавета просто прощает Маргариту, поскольку та действовала из любви. Именно так, например, подана история Маргариты в многократно переиздававшейся книге английского моралиста Чарлза Калеба Колтона «Лакон, или Многое в немногих словах для людей мыслящих» [Colton 1820: 106]. Такая же трактовка встречается в английских источниках и позже; оппозиции милость/правосудие нет, например, в посвященном царствованию Елизаветы седьмом томе многотомного издания, посвященного биографиям английских королей [Strickland 1848: 100]. Но, повторяю, все это не более чем исключения. В большинстве же своем авторы, обращавшиеся к истории отважной Маргариты, твердо помнили, в чем состоит урок, который она преподала Елизавете: прерогатива королевы не столько суд, сколько милосердие.

Этот пространный (хотя отнюдь не исчерпывающий) экскурс в историю публикаций анекдота о Маргарите Ламбрен и ее «уроке королеве» был нужен, чтобы показать: если в наши дни эта героиня прочно забыта, в пушкинское время и даже много позже ее история была распространена очень широко. Теперь можно вернуться к Пушкину, в чьей библиотеке, как уже было сказано, имелась книга с изложением анекдота о Маргарите Ламбрен. Следует, кстати, добавить, что эта история могла оказаться в поле зрения Пушкина и раньше, поскольку в 1816 году она была напечатана в июньском номере «Вестника Европы» (Ч. 87. № 11. С. 233—234; ц/р 19 мая 1816 года) под названием «Великодушные Королевы Елизаветы» и с пометой в конце [Из Morgenblatt U.]. Пушкин весной 1816 года послал главному редактору «Вестника Европы» Каченовскому три стихотворения; ни одно из них опубликовано не было, но 10 июля, судя по письму А.М. Горчакова к А.Н. Пешурову, Пушкин все еще ждал их напечатания [Летопись 1999: 86] — и, значит, в июне журнал почти наверняка проглядывал. Однако даже если допустить, что Пушкин обратил внимание на историю Маргариты Ламбрен в 1816 году, гораздо более вероятно, что во время работы над «Капитанской дочкой» он держал в памяти анекдот из французской книги 1832 года.

Обычно главным беллетристическим источником сцены в царском саду называют эпизод из романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница»

(1818), где героиня Джини Динс просит королеву помиловать ее сестру⁸. В самом деле, сходных черт очень много: встреча происходит в саду, просительница лишь подозревает, что говорит с королевой, но не уверена в этом; в конце она падает на колени перед своей царственной благодетельницей, так же как Марья Ивановна к ногам Екатерины (и, замечу кстати, как Маргарита Ламбрен в варианте «Вестника Европы»⁹). Однако на фоне истории Маргариты гораздо яснее проступает отличие аргументов Джини Динс от тех, какие предъявляет монархине пушкинская Марья Ивановна. Она, как известно, просит «милости, а не правосудия». Так вот, этого противопоставления вовсе нет в пламенной речи Джини; она лишь настаивает, что вина сестры не доказана и что ее собеседнице будет сладостно вспоминать о спасенной ею человеческой жизни; о том, что подобное милосердие — королевская привилегия, просительница не упоминает. Она, конечно, тоже в определенном смысле преподает урок королеве, но в отличие от Маргариты — и Марьи Ивановны — апеллирует при этом к человеческим чувствам, а не к королевскому статусу¹⁰.

Хронологически и лингвистически ближе к пушкинской повести оппозиция милость/правосудие была развернута в «восточной повести» Ф.В. Булгарина, которая так и называется — «Милость и правосудие» (1822) [Осват 1998]. Однако милость здесь окрашена в слишком негативные тона; ее удостоивается человек подлый, и тем самым царский милостивый жест отчасти компрометируется. Вдобавок мораль булгаринской повести не в «уроке королеве», а в уроке подданным, которым предлагают смириться и не искать счастья, поскольку «в жизни есть много прекрасного и без счастья».

В обширной литературе о «Капитанской дочке» можно, на мой взгляд, выделить четыре наиболее влиятельные трактовки оппозиции милость/правосудие в финале «Капитанской дочки».

Первая трактовка принадлежит Ю.М. Лотману, считавшему, что здесь Пушкин продемонстрировал чаемое «возведение человечности в государственный принцип»; в милости монарха проявляется его «подлинно человеческое отношение» к подданным [Лотман 1995: 223].

Вторая была выдвинута В.Э. Вацуру; с его точки зрения, в просветительских теориях, которым наследует Пушкин, «“милость” и “правосудие” не противопоставлены, но сопоставлены. Они интегрированы в понятие “правота” — атрибуте идеального монарха» [Вацуру 1986: 318].

Третья, предложенная А.А. Долининым, связывает «тему милости у позднего Пушкина не столько с просветительскими концепциями правосудия, где

8 Название «Эдинбургская темница» была дано первым французскими переводчиками и от них перешло в Россию; оригинальное название — «The Heart of Midlothian», буквально «Сердце Срединной Земли» (название шотландского графства). О «близости сценарных схем» романа Скотта и повести Пушкина см., в частности: [Осват 2007: 94–95]. О сходстве с «Эдинбургской темницей» и отличиях от нее как проявлениях иронической игры с читателем см. в новейшей статье: [Проскурина 2020: 163–169].

9 Это единственная деталь, отличающая текст, опубликованный в «Вестнике Европы», от того, который напечатан в «Историческом словаре анекдотов о любви».

10 Конечно, Джини не знает наверняка, что говорит с королевой; но даже если допустить, что девушка об этом не догадывается, несомненно, что она — как и Маша Миронова — через голову своей собеседницы обращается к государыне; ведь исполнить ее просьбу может только носитель высшей власти.

обычно ищут ее истоки, сколько с христианской каритативной этикой» [Долинин 2007: 250].

И наконец, *четвертая* трактовка вытекает из статьи М.С. Неклюдовой, напомнившей о возникшей еще задолго до эпохи Просвещения теории, согласно которой милость — королевская прерогатива, исключительное право и способность короля [Неклюдова 2000] (см. также: [Долинин 2009: 43; Муравьева 2012: 462—463]). Монтескье, утверждающий, что право помилования — прекраснейший атрибут королевской власти и, следовательно, в монархии государь не может быть судьей, поскольку в этом случае он будет входить в противоречие с самим собой, лишь рационализирует эти древние представления, о которых хорошо помнили и те, кто публиковали анекдот о Маргарите Ламбрен, и те, кто его читали. Речь, разумеется, не идет о том, что Маша Миронова была знакома с одной из этих многочисленных публикаций. Однако, руководствуясь своей, по выражению А.Л. Осповата, «стратегической интуицией», она действовала в точном соответствии с логикой Маргариты Ламбрен и тоже просила у императрицы «милости, а не правосудия».

Между прочим, реальная Екатерина тоже превосходно знала о том, что милость не прихоть, а, так сказать, почетная обязанность монархов, подтверждающая их царственную природу. Делая выписки для «Наказа», она процитировала из «Духа законов» (VI, V): «Наиболее прекрасным атрибутом монарха является милость [celui de faire grâces]». Однако в окончательную редакцию императрица этот тезис не включила [Наказ 2018: 128]; сходным образом в повести Пушкина она тоже в конечном счете выбирает не милость, а правосудие. «Не вникая в суть дела (недолгий промежуток, разделявший встречу в саду и аудиенцию во дворце, не давал для этого никакой возможности), императрица не только помиловала Гринева, но и облекла свою милость в ту форму, которой удовлетворялась или обманывалась дворянская честь: “Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха”» [Осповат 1998: 594]. Это позволяет скорректировать вывод о том, что «Екатерина у Пушкина оказывается тем самым идеальным монархом, который может даровать милость при всех формальных отступлениях от “закона” и “правосудия”» [Проскурина 2020: 149]. На самом деле «испытание милостью» Екатерина проходит не вполне; как бы не решаясь миловать безусловно, она прикрывает милость квазигирическими соображениями.

Между тем, в отличие от императрицы, настоящее «испытание милостью» выдерживает в «Капитанской дочке» Пугачев: в ответ на отказ Гринева от предоставления гарантий (ср. вопрос, который задала Маргарите Ламбрен Елизавета: кто поручится, что вы не возьметесь за старое?) Пугачев милует его без гарантий и отпускает на волю, причем происходит это после разговора о том, верит ли Гринева, что Пугачев — настоящий государь Петр Федорович:

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить? — Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебя судья; а я сказал тебе правду». Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, удара меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» [Пушкин 1948: 332—333].

Сходство двух дарований милости: екатерининского и пугачевского — отмечалось в научной литературе [Муравьева 2012: 457], однако не был сделан вывод, становящийся очевидным именно на фоне анекдота о Маргарите Ламбрэн: способность миловать выступает в данном случае в роли «царского знака», пушкинский Пугачев тем самым — также проявляя «стратегическую интуицию»? — удостоверяет свое царское происхождение.

Разумеется, «Исторический словарь анекдотов о любви» не был единственным источником, откуда Пушкин мог почерпнуть знание о милости как монаршей прерогативе. Но он безусловно заслуживает право считаться одним из таких источников, тем более что сюжет о Маргарите Ламбрэн переносит это знание из ученых трактатов в область общеизвестного исторического анекдота — то есть на ту почву, которая была близка Пушкину.

* * *

Вывод о том, что Пушкин финальной сценой между Екатериной и Машей Мироновой желал преподать императору Николаю I примерно такой же урок поведения с подданными-просителями, какой некогда преподавала королеве Елизавете Маргарита Ламбрэн, был бы, безусловно, чересчур сильным чтением. Однако вообще использование анекдота о Маргарите в актуальных прагматических целях нельзя назвать невозможным. Если в сборниках биографических анекдотов история Маргариты Ламбрэн воспроизводилась без комментариев, то известен по крайней мере один случай, когда анекдот сопровождался контекстуализирующим обрамлением. Тот факт, что текст, о котором идет речь, напечатан в конце августа 1836 года (время, когда Пушкин уже кончил черновую редакцию «Капитанской дочки» и скоро начнет писать беловую), следует, конечно, отнести к чистым совпадениям, но сам этот текст весьма характерен.

Я имею в виду уже упоминавшуюся среди беллетрических обработок сюжета о Маргарите Ламбрэн новеллу Фредерика Сулье. Она неоднократно (1843, 1870, 1872, 1898, 1900, 1901) перепечатывалась на протяжении XIX века как в сборниках прозы писателя, так и в периодических изданиях. Однако далеко не во всех этих переизданиях полностью воспроизводилась преамбула, предварявшая новеллу в первой публикации на страницах газеты «Пресса» («La Presse») 30 августа 1836 года (здесь новелла напечатана в нижней части газетной страницы, называвшейся во Франции фельетоном). Между тем преамбула эта очень четко показывает, что Сулье обратился к сюжету о Маргарите по жгуче злободневной причине. Дело в том, что с начала 1836 года во французских ежедневных политических газетах, и в том числе в «Прессе», активно обсуждался вопрос об амнистии для политических преступников любых убеждений, как республиканцев (в том числе для тех, кто был осужден после Июньского восстания 1832 года в Париже, а также участников Лионского восстания 1834 года, осужденных в результате «гигантского процесса» 1835 года), так и роялистов (министров Карла X, осужденных в декабре 1830 года за причастность к попытке государственного переворота в июле того же года). Соответствующие петиции подавались с начала 1836 года. Оппозиционные депутаты произносили в палате речи, призывавшие правительство к «политике великодушия и примирения», а значит, к амнистии всех, кроме осужденных за убийство. Однако кабинет под руководством Тьера не торопился удовлетворить требования об-

щества и тем более исполнить их безоговорочно. Сам Сулье в фельетоне под названием «Водевиль» («Пресса» от 12 июля 1836 года), рассуждая о том, что во Франции многие слова стали значить не то, что кажется, язвительно замечал:

Если бы какой-нибудь толковый словарь известил читателей, что свобода — это пассивная покорность, что права — это обязанности, оппозиция — бунт, а под амнистией следует понимать помилование, даруемое властью на определенных условиях, если бы все эти действительные значения слов были установлены раз и навсегда, люди наконец пришли бы к согласию и иные тревожные умы позабыли о тысяче вещей, каких они добиваются сейчас.

Ожидали, что амнистия будет объявлена в конце июля, по случаю очередной годовщины Июльской революции, но король и правительство дважды разочаровали французов: не только не объявили амнистию, но и не устроили смотр национальной гвардии по случаю открытия триумфальной арки на площади Звезды (см. подробнее: [Сулье 2020]), и «Пресса» в политической передовице 2 августа 1836 года увязывала вместе обе эти ошибки правительства: «Ни смотра, ни амнистии! Неужели эту отрицательную политику следует считать системой? <...> Отсутствие амнистии обмануло надежды, отсутствие смотра обнажило чувство роковой беспомощности».

Вопрос об амнистии был решен вскоре после публикации фельетона Сулье. 6 сентября 1836 года на смену кабинету Тьера пришел кабинет под руководством графа Моле, который месяц спустя хотя бы частично осуществил чаяния общества. Восьмого октября в правительственной газете «Монитёр» был опубликован указ об амнистии для 62 осужденных — но не всех без разбора, а исключительно тех, кто признал свои заблуждения и подал просьбу о помиловании; министры Карла X в этот список включены не были (вероятно, потому, что о помиловании просить не стали), однако амнистия коснулась и их.

Все это обсуждалось в верхней, политической части газетных полос, фельетон же Сулье напечатан в части нижней, под горизонтальной линейкой, отделяющей одну часть от другой. Обычно темы верхней части никак не пересекались с темами нижней, отведенной литературным и театральным рецензиям, светской хронике, естественно-научным новостям. Лишь изредка фельетон с помощью намеков или прямых указаний перебрасывал разговор через линейку, открыто показывая, что авторы верхней и нижней части существуют в одном времени и пространстве; это то самое взаимное «заражение» (тематическое, идеологическое и даже поэтическое) верхней и нижней частей газеты, о котором пишет Мария-Ева Теранти [Thérenty, Vaillant 2001: 231]. Так вот, в случае «Маргариты Ламбрен» такое заражение безусловно имеет место, о чем свидетельствует вышеупомянутая преамбула:

Что бы кто ни утверждал, человечество бесконечно крутится в колесе одних и тех нравственных, промышленных и политических идей. Мы не тщимся показать в этой статье, что некие установления, которые мы считаем изобретениями вчерашнего дня, на самом деле восходят к самым давним эпохам общественной жизни и что некие свободы, которые современные народы объявляют великими завоеваниями, а современные монархи — огромными уступками, прежде принадлежали к области естественного права. Мы от всего сердца надеемся, что через несколько столетий законодатели, торжественно провозгласившие свободу печати, покажутся столь же смешными, что и члены Конвента, признающие существова-

ние Верховного Существа. Оскорблять Господа и мысль, неразлучную с Господом, удостоверением их права на существование есть одно из тех заблуждений, в какие ум человеческий впадает лишь тогда, когда под вопросом оказываются все люди и все принципы без исключения.

Эти размышления, навеянные нам политическим вопросом, который, возможно, скоро встанет вновь благодаря смене министерства, могут показаться неуместными на этой странице.

Под линейкой, которая отделяет наш фельетон от политических столбцов газеты, читатель не ожидает увидеть полемику по злободневным вопросам. Да мы и не собираемся заводить таковую, хотя опубликовать нижеследующий рассказ решили под влиянием недавних газетных споров об амнистии.

Если читатель благоволит вспомнить все, что было сказано за и против этой меры, а особенно если он не забыл, с каким горделивым презрением правительственные газеты отзывались о возможности помилования без всяких условий; если он примет во внимание, что идея эта показалась им одной из тех безумных и ужасных выдумок, какую могут распространять только умы невежественные или анархические, тогда, быть может, он согласится, что этот анекдот придется сегодня очень кстати и что два с половиной столетия назад сходные обстоятельства породили сходные мысли, а то и сходные результаты.

После этих слов Сулье переходит непосредственно к изложению истории Маргариты Ламбрэн.

Следует заметить, что фельетон Сулье включается в обсуждение политических сюжетов из верхней части газеты не только простым упоминанием амнистии, но еще и обсуждением вопроса, нужно ли миловать осужденных безусловно или на определенных условиях. Маргарита Ламбрэн дает на это ответ совершенно однозначный: милость, обставленная условиями, недостойна королевской власти, и Сулье, по примеру своей героини, напоминает об этом правительству собственной страны, хотя ею правит монарх не абсолютный, а конституционный. Фельетонист Сулье проявляет даже больший радикализм, чем его коллеги-публицисты, пишущие для верхней части страницы: они, комментируя в номере от 8 октября 1836 года известие о частичной амнистии и «распределительном правосудии», заявляли, что, хотя сами выступали за меры более широкие и более великодушные, не станут проявлять излишней требовательности и критиковать правительственный указ; министерство 6 сентября, пишет «Пресса», сделало первый и самый трудный шаг по тому пути, на который газета призывала его вступить, и надо надеяться, что оно продолжит двигаться в том же направлении¹¹. Сулье был менее склонен к компромиссам, о чем свидетельствует последний абзац его фельетона (также не всегда воспроизводившийся в переизданиях):

Если кто-то сочтет, приняв во внимание сказанное в начале нашего очерка, что история эта выдумана нарочно, если кто-то предположит, что ответы Маргариты Ламбрэн были сочинены намеренно, ради того чтобы послужить важным уроком в нынешних обстоятельствах, если кто-то усомнится в этом отказе от помилова-

11 Что касается юристов Июльской монархии, то некоторые из них, согласно тогдашнему «Словарю уголовного права», считали, что амнистия, обставленная какими-либо условиями, не заслуживает этого названия и является просто-напросто смягчением наказания; другие, напротив, настаивали на том, что государство имеет право миловать преступника на определенных условиях [Morin 1842: 54].

ния на определенных условиях, <...> наконец, если кто-то удивится выражению «помиловать полностью и без всяких условий», мы можем доказать всякому, кто пожелает, что мы поведали чистую правду, что мы точно воспроизвели поступки и речи наших героев и что уже много веков назад великие характеры и возвышенные умы относились к праву помилования и великодушию не так, как относятся во Франции, если, конечно, во Франции вообще помнят, что это такое.

Говоря, что он не придумал ответы Маргариты Ламбрен нарочно для соответствия актуальной повестке, Сулье ничуть не преувеличивает: он слегка беллетризировал начало своей новеллы, где описана смерть мужа Маргариты, но, дойдя до ее встречи с королевой, практически дословно воспроизвел их диалог таким, каким он повторяется в многочисленных сборниках и энциклопедиях, начиная с Грегорио Лети. Но старый анекдот пришелся ему очень кстати в новых условиях, как пришелся он кстати и Пушкину в его размышлениях об обязанностях истинного монарха.

Библиография / References

- [Вацуро 1986] — *Вацуро В.Э.* Из историко-литературного комментария к произведениям Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы / Отв. ред. Н.Н. Петрунина. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 305—323.
- (*Vatsuro V.E.* Iz istoriko-literaturnogo kommentariya k proizvedeniyam Pushkina // Pushkin. Issledovaniya i materialy / Ed. by N.N. Petrunina. Leningrad, 1986. Vol. 12. P. 305—323.)
- [Долинин 2007] — *Долинин А.А.* Пушкин и Англия. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- (*Dolinin A.A.* Pushkin i Angliya. Moscow, 2007.)
- [Долинин 2009] — *Долинин А.А.* Анджело // Пушкинская энциклопедия. Произведения / Ред. М.Н. Виролайнен и др. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 37—52.
- (*Dolinin A.A.* Andzhelo // Pushkinskaya entsiklopediya. Proizvedeniya / Ed. by M.N. Virolaynen et al. Saint Petersburg, 2009. P. 37—52.)
- [Лети 1795] — *Лети Г.* История Елисаветы королевы Аглинской: с прибавлением истинного характера сея Королевы и ея фаворитов / Пер. с фр. А. Рознотовского. СПб.: Печатано иждивением И.К. Шнора, 1795. Т. 1—2.
- (*Leti G.* Vie d'Elisabeth, reine d'Angleterre. Saint Petersburg, 1795. Vol. 1—2. — In Russ.)
- [Летопись 1999] — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 1. 1799—1824 / Сост. М.А. Цявловский. М.: Слово, 1999.
- (*Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: In 4 vols. Vol. 1: 1799—1824 / Comp. by M.A. Tsyavlovskiy. Moscow, 1999.*)
- [Лотман 1995] — *Лотман Ю.М.* Идейная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 212—227.
- (*Lotman Yu.M.* Ideynaya struktura "Kapitanskoy dochki" // Lotman Yu.M. Pushkin. Saint Petersburg, 1995. P. 212—227.)
- [Модзалевский 1910] — *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1910.
- (*Modzalevsky B.L.* Biblioteka A.S. Pushkina. (Bibliograficheskoe opisanie). Saint Petersburg, 1910.)
- [Муравьева 2012] — *Муравьева О.С.* Капитанская дочка // Пушкинская энциклопедия. Произведения / Ред. М.Н. Виролайнен и др. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 445—463.
- (*Murav'eva O.S.* Kapitanskaya dochka // Pushkinskaya entsiklopediya. Proizvedeniya / Ed. by M.N. Virolaynen et al. Saint Petersburg, 2012. P. 445—463.)
- [Наказ 2018] — Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект Наказа, источники, переводы, тексты / Изд. подгот. Н.Ю. Плавинской. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
- (*Nakaz Komissii o sochinenii projekta novogo ulozheniya Ekateriny II: Pervonachal'nyy konspekt Na-*

- kaza, istochniki, perevody, teksty / Ed. prep. by N.Yu. Plavinskaya. Moscow, 2018.)
- [Неклюдова 2000] — Неклюдова М.С. «Милость» / «Правосудие»: о французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту 2: материалы междунар. науч. конф. Тарту, 2000. С. 204—215.
- (Neklyudova M.S. "Milost'" / "Pravosudie": o frantsuzskom kontekste pushkinskoy temy // Pushkinskie chteniya v Tartu 2. Tartu, 2000. P. 204—215.)
- [Осповат 1998] — Осповат А.Л. К источникам пушкинской темы *милость* — *правосудие* («восточная» повесть Ф.В. Булгарина) // ПОЛУТРОПОН: к 70-летию Владимира Николаевича Топорова / Отв. ред. Т.М. Николаева и др. М.: ИНДРИК, 1998. С. 591—595.
- (Ospovat A.L. K istochnikam pushkinskoy temy *milost'* — *pravosudie* ("vostochnaya" povest' F.V. Bulgarina) // ПОЛУТРОПОН: k 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova / Ed. by T.M. Nikolaeva et al. Moscow, 1998. P. 591—595.)
- [Осповат 2007] — Осповат А.Л. О некоторых источниках «Капитанской дочки» // The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin / Ed. by D.M. Bethea, L. Fleishman, A. Ospovat. Stanford, 2007. Pt. 1. P. 85—99.
- (Ospovat A.L. O nekotorykh istochnikakh "Kapitan-skoy dochki" // The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin / Ed. by D.M. Bethea, L. Fleishman, A. Ospovat. Stanford, 2007. Pt. 1. P. 85—99.)
- [Проскурина 2020] — Проскурина В.Ю. Екатерина II в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина // Homo scriptor. Сборник статей в честь 70-летия М. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 140—169.
- (Proskurina V.Yu. Ekaterina II v "Kapitanskoy dochke" A.S. Pushkina // Homo scriptor. Sbornik statey v chest' 70-letiya M. Epshteyna / Ed. by M. Lipovetsky. Moscow, 2020. P. 140—169.)
- [Пушкин 1948] — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. Романы и повести. Путешествия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- (Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: In 16 vols. Vol. 8. Bk. 1. Romany i povesti. Puteshestviya. Moscow; Leningrad, 1948.)
- [Сулье 2020] — «Ночь — время, когда Наполеон и его армии должны явиться к памятнику своей славе». Французский писатель Фредерик Сулье — об открытии Триумфальной арки / Пер., вступ. заметка, послесл. и примеч. В.А. Мильчиной (<https://gorky.media/fragments/noch-vremya-kogda-napoleon-i-ego-armii-dolzhy-yavitsya-k-pamyatniku-svoej-slave/> (дата обращения: 20.09.2021).)
- (Soulié F. "Noch" — vremya, kogda Napoleon i ego armii dolzhny yavit'sya k pamyatniku svoey slave". Frantsuzskiy pisatel' Frederik Sul'e — ob otkrytii Triumfal'noy arki / Transl., introd., afterword and notes by V.A. Mil'china (<https://gorky.media/fragments/noch-vremya-kogda-napoleon-i-ego-armii-dolzhy-yavitsya-k-pamyatniku-svoej-slave/> (accessed: 20.09.2021)).)
- [Belle Assemblée 1814] — Belle Assemblée: or, court and fashionable magazine. 1814. July.
- [Colman 1826] — Colman G. The Circle of Anecdote and Wit: A Choice Collection of Pieces of Humour. London: J. Williams, 1826.
- [Colton 1820] — Colton Ch.C. Lacon: Or, Many Things in Few Words: Addressed to Those who Think. London: Longman, Hurst, Rees, 1820.
- [Conteur de société 1829] — Le Conteur de société ou Les trésors de la mémoire; choix d'anecdotes nouvelles, peu ou point connues. Paris: Corbet aîné, 1829.
- [Des Essarts 1778] — Des Essarts N.-T. Essai sur l'histoire générale des tribunaux des peuples tant anciens que modernes, ou Dictionnaire historique et judiciaire. Paris: Durand, neveu, 1778. T. 3.
- [Drohojowska 1858] — Drohojowska A. Les reines illustres. Paris: Magnin, Blanchard et Co, 1858.
- [Edinburgh Budget 1808] — The Edinburgh Budget of Wit and Amusement. Edinbourg: J. Moir, 1808.
- [Edinburgh Medley 1800] — The Edinburgh Medley of Entertainment. Edinbourg: T. Braun, 1800. T. 1.
- [Encyclopediana 1791] — Encyclopediana ou Dictionnaire encyclopédique des ana. Paris: Chez Panckoucke, 1791.
- [Encyclopédie 1765] — Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. En 17 t. / Ed. par D. Diderot, J. d'Alembert. Neufchastel: Faulche, 1765. T. 15. Sen—Tch.
- [Garofalo 2008] — Garofalo D. Manly Leaders in Nineteenth-Century British Literature. Albany: State University of New York Press, 2008.
- [Hall 1855] — Hall S.J. Woman's Record, Or, Sketches of All Distinguished Women. New York: Harper and Brothers, 1855.
- [Journal des anecdotes 1833] — Journal des anecdotes anciennes, modernes et contemporaines. Paris: Au bureau du journal des anecdotes, 1833. T. 1.
- [Ladies' Museum 1830] — The Ladies' Museum. London: James Robins and Co, 1830. T. 1.

- [Leti 1693] — *Leti G.* Historia o vero Vita di Elisabetta, Regina d'Inghilterra. Detta per soprannome la comedianta politica. Amsterdam: Abramo Wolfgang, 1693. T. 2.
- [Leti 1694] — *Leti G.* La vie d'Elizabeth reine d'Angleterre / Trad. par L.-A. Le Peletier. Amsterdam: Henri Desbordes, 1694. T. 2.
- [Moreri 1725] — Le grand dictionnaire historique, ou mélanges curieux de l'histoire sacrée et profane par l'abbé Louis Moreri. Paris: Jean-Baptiste Coignard, 1725. T. 4.
- [Morin 1842] — *Morin A.* Dictionnaire du droit criminel. Paris: A. Durand, 1842.
- [Notices 1819] — [*Craufurd Q.*] Notices sur Marie Stuart, reine d'Écosse. Paris: J. Gratiot, 1819.
- [Nouveau dictionnaire 1766] — Nouveau dictionnaire historique-portatif, ou Histoire abrégée de tous les hommes qui se sont fait un nom par des talens, des vertus, des forfaits, des erreurs, &c. &c., depuis le commencement du monde jusqu'à nos jours / Ed. par F. Moysant, P.-J. Grosley, L.-M. Chaudon. Amsterdam: Marc-Michel Rey, 1766. T. 2.
- [Nouvelle bibliothèque de société 1782] — [*Sautreau de Marsy C.-S.*] Nouvelle bibliothèque de société contenant des Faits intéressans, des Mélanges de Littérature et de Morale, des Variétés Historiques, un choix de bons Mots, de Poésies fugitives, des Contes en Vers et en Prose, etc. Londres; Paris: Delalain-aîné, 1782 T. 1.
- [Paban 1820] — *Paban G.* Année des dames, ou Petite biographie des femmes célèbres pour tous les jours de l'année. Paris: Crevot, 1820. T. 2.
- [Partnow 1993] — *Partnow E.* The New Quotable Woman: The Definitive Treasury of Notable Words by Women from Eve to the Present. Meridian, 1993.
- [Percy Anecdotes 1821] — The Percy Anecdotes. London: T. Boys, 1821.
- [Riballier 1779] — *Riballier.* De l'éducation physique et morale des femmes: avec une notice alphabétique de celles qui se sont distinguées dans les différentes carrières des sciences & des beaux-arts, ou par des talens & des actions mémorables. Bruxelles: Frères Estienne, 1779.
- [Sévrette 1878] — *Sévrette J.* Langue anglaise: recueil de morceaux choisis, prose et vers. Paris: Eugène Belin, 1878.
- [Short stories 1876] — Short stories for school and home reading. London; Edinburg: W. and R. Chambers, 1876.
- [Spence 1852] — *Spence M.A.* Margaret Lambrun // The Dew-drop: A Tribute of Affection. Philadelphia: Lippincott, Grambo and Co, 1852.
- [Stark 1805] — *Stark J.* Biographia Scotica; or, Scottish biographical dictionary. Edinburgh: Constable and Co, 1805.
- [Stephen 1794] — *Stephen J.* A New Biographical Dictionary; Or, Pocket Compendium: Containing a Brief Account of the Lives and Writings of the Most Eminent Persons in Every Age and Nation. London: J. Robinson, 1794.
- [Strickland 1848] — *Strickland A.* Lives of the Queens of England from the Norman Conquest; with anecdotes of their Courts. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1848. T. 7.
- [Ternisien d'Haudricourt 1788] — *Ternisien d'Haudricourt F.* Femmes célèbres de toutes les nations avec leurs portraits. Elisabeth, reine d'Angleterre. Paris: Gattey, 1788. VIIe livraison.
- [Thérenty, Vaillant 2001] — *Thérenty M.-È., Vaillant A.* L'An I de l'ère médiatique. Analyse littéraire et historique de *La Presse* de Girardin. Paris: Nouveau Monde éditions, 2001.